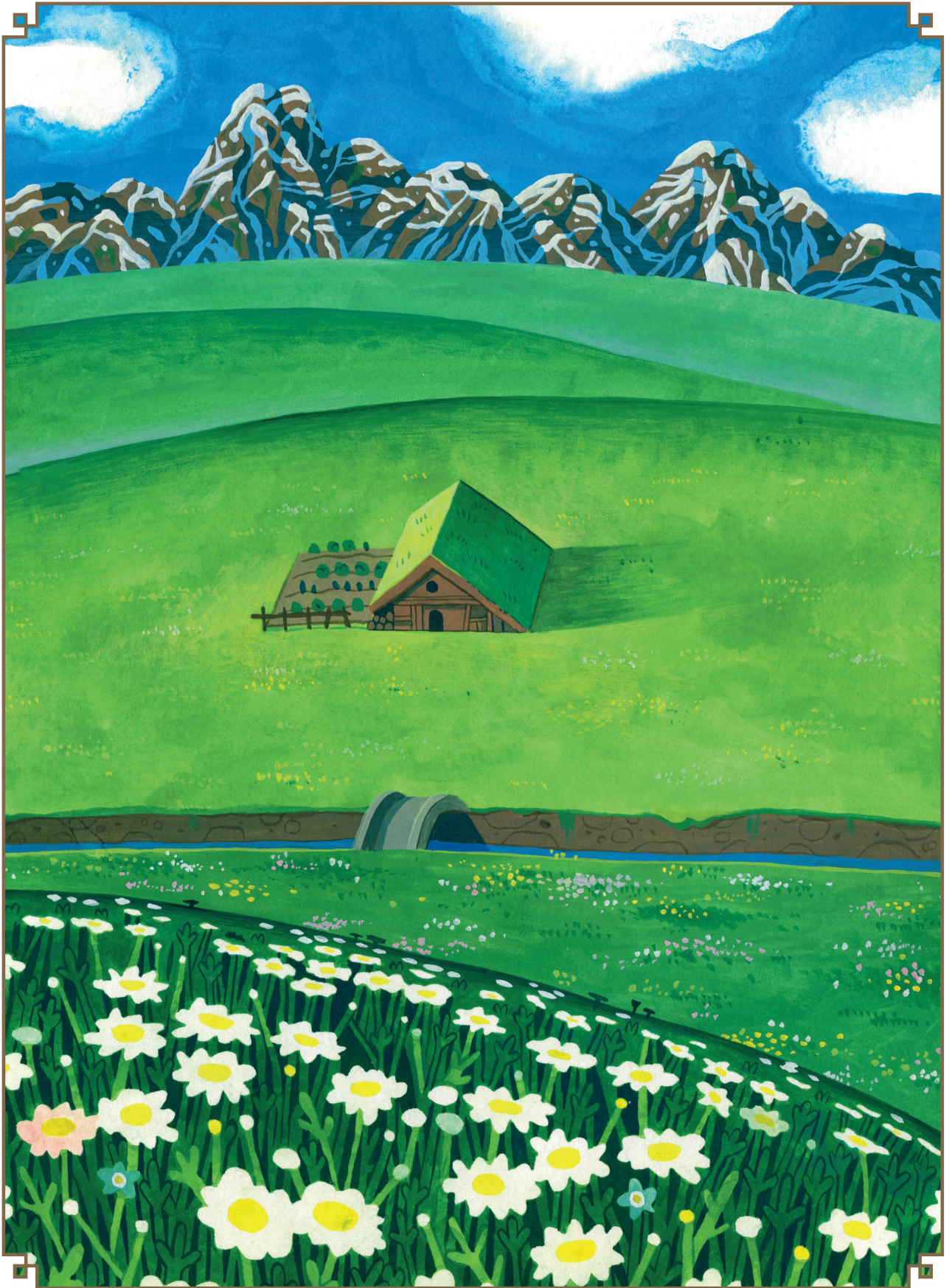

FABAI

ЖИЛ СЕБЕ МАЛЬЧИК лет четырнадцать, высокий, стройный, с льяными волосами. Добродетелями он не блистал и больше всего любил есть, спать да проказничать.

Однажды в воскресенье родители его собрались идти в церковь.

«Теперь никто не помешает мне стрелять из папиного ружья», — думал он.

Однако отец как будто угадал его мысли и уж на пороге обернулся, говоря:

— Раз ты не идёшь с нами в церковь, то хоть дома прочти проповедь.

Мать в мгновение ока подбежала к полке с книгами, достала «Наставления к проповедям» Лютера, отыскала проповедь на тот день и положила раскрытую книгу на столе под окном.

— В проповеди четырнадцать с половиной страниц, — сказала мать, как бы прикидывая мерку.

— Чтобы поспеть, ты должен приняться за неё сейчас же.

Наконец они ушли, и мальчик, провожая их взглядом, чувствовал себя так, словно попал в ловушку.

— Теперь, небось, они радуются, что так хорошо придумали, и я без них должен буду всё время корпеть над проповедью!

Однако родители ничуть не радовались, а шли в удручённом настроении.

Отец сокрушался, что мальчик — лентяй, что он плохо учился в школе, вышел бездельником и годен разве на то, чтобы пасти гусей. Мать на это ничего не могла возразить, но её ещё больше огорчало, что у мальчика какой-то дикий и злобный характер, что он мучит животных и обижает людей.

— Ах, если бы Господь смирил его злобу и смягчил его сердце! — вздыхала мать. — Он ещё и на себя, и на нас навлечёт беду!

Мальчик долго думал, читать ли ему проповедь или нет. Всё-таки он решил на этот раз повиноваться. Он уселся в широкое кресло и стал читать вполголоса; но собственное бормотание как будто его усыпляло, и он не мог держать головы.

Мальчик читал, склонив голову, и усиленно боролся с дремотой.
– Нет, не буду спать, – говорил он, – а то я до самого обеда не справлюсь с проповедью.
Но, как бы то ни было, он всё-таки уснул.

Неизвестно, долго ли он спал, но проснулся он от какого-то лёгкого шороха. В ту минуту, когда он поднял голову, взор его упал на зеркало, и там он увидел отражение материнского сундука, который почему-то был открыт. Мальчик ясно видел в зеркале, что крышка сундука откинута. Он не понимал, как это мать, уходя, забыла запереть сундук, чего с нею никогда не случалось.

Он не на шутку встревожился. Он боялся, не залез ли вор, но не двинулся с места, а сидел неподвижно и пристально смотрел в зеркало.

Выжидая, не покажется ли вор, он спрашивал себя: что там за чёрная тень на краю сундука? Это был маленький гном, сидевший верхом на краю сундука. Мальчик слышал о гномах, но никогда не воображал, что они могут быть так малы. Этот гном был ростом не более ладони.

Мальчик, увидев гнома, был очень озадачен, но не испугался. Разве можно было бояться такого маленького существа? Гном так погрузился в своё занятие, что ничего не видел и не слышал, и мальчик вдруг надумал сыграть с ним какую-нибудь шутку, например, столкнуть его в сундук и захлопнуть крышку или что-нибудь в этом роде.

Он моментально схватил сетку, накинул её на край сундука – и сам изумился своему счастью. Каким-то образом ему удалось изловить гнома. Тот лежал в большой сетке головою вниз и беспомощно барахтался.

Тогда гном заговорил. Он просил, умолял выпустить его на свободу, уверяя, что много лет приносил их семье счастье и потому заслуживает лучшего обхождения. Если мальчик его отпустит, то он даст ему серебряную ложку и золотую монету величиной с крышку отцовских часов.

Однако, когда гном уж наполовину вылез, мальчик сообразил, что мог бы потребовать чего-нибудь существеннее, ну хоть поставить условием, чтобы гном вдолбил ему в голову проповедь.

«Как глупо, что я его отпустил», – подумал он и стал опять дёргать сетку, стараясь зацепить ею гнома.

Но не успел мальчик довести свою затею до конца, как получил полновесную пощёчину, от которой у него голова чуть не разлетелась вдребезги.

Он отпрянул сначала к одной стене, потом к другой и наконец без чувств упал на пол.

Он проснулся по-прежнему в комнате. Гном исчез бесследно. Сундук был закрыт, и сетка для мух висела на своём обычном месте. Если бы у мальчика правая щека не продолжала гореть от пощёчины, то он был бы убеждён, что видел всё во сне.

«Во всяком случае, папа с мамой будут уверять, что это мне приснилось, — думал он. — Поэтому лучше поскорее приняться за проповедь».

Отчего же ему пришлось сделать гораздо больше шагов до стола, чем прежде? И что такое с креслом? Оно как будто не изменилось, а между тем ему пришлось сначала взобраться на перекладину между ножками, а потом уж на сиденье. То же самое было и со столом. Чтобы увидеть лежавшую на столе книгу, мальчик должен был встать на ручку кресла.

«Наставления» лежали на столе и на вид тоже не изменились; однако и здесь что-то случилось, так как он не мог разобрать ни одного слова и должен был влезть на самую книгу. Он прочёл пару строчек и случайно оглянулся. Взор его упал на зеркало, и он громко воскликнул:

— А вот и другой!

В зеркале ясно виднелся какой-то малыш в остроконечном колпаке и кожаных штанах.

— Он одет совсем как я! — заметил мальчик и от изумления всплеснул руками. Малютка в зеркале проделал то же самое.

Тогда он стал дёргать себя за волосы, щипать себе руки, кружиться; малютка в зеркале повторял все его движения.

Нильс раза два обошёл вокруг зеркала, чтобы поискать, где прячется малютка, но не нашёл никого и от испуга стал дрожать всем телом. Лишь в эту минуту понял он, что гном заколдовал его и что он сам тот карапуз, чьё отражение виднелось в зеркале.

Мальчик не хотел верить, что он превратился в гнома.

«Это, должно быть, сон или наваждение, — думал он. — Подожду минуты две и тогда, наверно, опять буду человеком».

Он стал перед зеркалом и закрыл глаза. Лишь через несколько минут он снова открыл их, ожидая, что наваждение пройдёт. Но не тут-то было! Он оказался таким же маленьким, как и раньше. Нет, очевидно, сколько ни стой, делу не поможешь! Надо придумать что-нибудь другое. Лучше всего было бы, конечно, разыскать гнома и помириться с ним.

Мальчик спрыгнул на пол и принялся искать. Он заглядывал под стулья и шкафы, за диван и за печку. Он залезал даже в мышинные норки, но гнома нигде не было. Вдруг он вспомнил, что мать однажды говорила, будто гномы любят

прятаться в хлеву. Он сейчас же побежал в хлев посмотреть, нет ли там его гнома. Он не достал бы до щеколды, но, к счастью, дверь была открыта. Благодаря этому, ему удалось выбраться из комнаты.

В сенях он стал искать свои деревянные башмаки, так как в комнате, разумеется, ходил в одних чулках. Он соображал, как же теперь надеть громоздкую, тяжёлую обувь, но вдруг увидел на пороге пару крошечных башмачков. Когда он понял, что гном заколдовал даже его башмаки, то встревожился ещё больше.

На старой дубовой доске перед входной дверью прыгал воробушек. Увидев мальчика, он воскликнул:

– Чирик-чирик! Вот Нильс-пастушок. Теперь он мальчик с пальчик! Нильс Хольгерссон – мальчик с пальчик!

Гуси и куры обернулись к мальчику и подняли невообразимый шум.

– Кукареку! – кричал петух. – Так ему и следует! Кукареку! Он мне свернул гребень!

– Ко-ко-ко! Поделом! – без умолку кудахтали куры.

Удивительнее всего, что мальчик понимал их разговор. Он так был поражён, что стоял как вкопанный и слушал.

«Вероятно, я понимаю язык зверей оттого, что превращён в гнома», – думал он. Его возмущало, что куры не переставали выкрикивать своё «поделом». Он запустил в них камнем и воскликнул:

– Цыц, негодные!

Однако он забыл, что теперь своим ростом уж не мог их утратить. Они кинулись к нему и окружили его, выкрикивая:

– Ко-ко-ко! Поделом! Ко-ко-ко, поделом!

Мальчик попытался бежать, но куры гнались за ним по пятам и так кричали, что он чуть не оглох. И если бы не подошла кошка, то он вряд ли избавился бы от них. Увидев кошку, куры сразу присмирели и стали искать червяков в земле с таким видом, словно никогда ни о чём другом не помышляли. Мальчик подбежал к кошке.

– Милая киса, – просил он, – ты ведь знаешь все углы и закоулки во дворе. Пожалуйста, скажи мне, где я могу найти гнома.

– Конечно, я знаю, где живёт гном, – ответила она вкрадчивым голосом. – Но это не значит, что я и тебе скажу... Уж не потому ли помочь тебе, что ты так часто дёргал меня за хвост? – сказала она наконец.

Мальчик рассердился. Он совершенно забыл, что теперь стал маленьким и слабым.

– И сейчас дёрну! – крикнул он и бросился на кошку.

Кошка мгновенно преобразилась до неузнаваемости. Она выгнула спину, лапы её напряглись, хвост сделался коротким и толстым, уши откинулись назад. Она громко шипела, а широко раскрытые глаза метали искры.

Мальчик не хотел отступить перед кошкой и сделал шаг вперёд. Она одним прыжком бросилась на него, повалила его и с разинутой пастью стала над ним, придавив ему грудь передними лапами.

Тогда он стал изо всех сил звать на помощь. Однако никто не приходил, и он уже думал, что наступил его последний час. Вдруг он почувствовал, что кошка выпускает его.

— Теперь довольно, — сказала она. — Ради моей доброй хозяйки я на этот раз ограничусь предостережением. Я только хотела показать тебе, кто из нас двоих сильнее.

Кошка ушла с тем же кротким и добродушным видом, как и пришла.

ГЛАВА II

МАЛЬЧИК ПОСПЕШИЛ УБЕЖАТЬ в хлев, чтобы там приняться за поиски гнома.

В хлеву были только три коровы. Однако, когда мальчик вошёл к ним, они подняли такой гвалт, словно их было три десятка.

- Му-у, му-у, му-у! – мычала Майская Роза. – Хорошо ещё, что на свете есть справедливость.
- Подойди только! – говорила Жёлтая Лилия. – Уж потанцуешь на моих рогах!
- Подойди, подойди! Сам узнаешь, как мне приятно было, когда ты давал мне пинка в бок деревянным башмаком, – говорила Звёздочка.
- Иди-ка сюда! Я рассчитаюсь с тобой за то, что ты запихивал мне ос в ухо, – кричала Жёлтая Лилия.

Майская Роза была старше и умнее остальных и сердилась больше всех.

– Подойди-ка! – говорила она. – Я отплачу тебе за то, что ты вытаскивал у матери скамеечку, на которой она сидела, когда доила меня; за то, что ты подставлял ножку, когда она шла с ведром молока, и за все слёзы, которые она пролила из-за тебя.

Мальчик хотел сказать им, что раскаивается в своём дурном поведении и теперь исправится, если только они укажут ему, где найти гнома. Однако коровы не слушали его и громко мычали. Он стал бояться, чтобы какая-нибудь из них, сорвавшись с привязи, не кинулась на него, и потому поспешил уйти из хлева.

Мальчик был в полном отчаянии. Он ясно видел, что никто во дворе не поможет ему искать гнома, да и сам гном, если он его отыщет, едва ли сжалится над ним.

Он влез на широкий каменный забор, окружавший ферму и обвитый плющом и жимолостью. Там он сел, размышляя, что делать, если ему не удастся вернуть себе человеческий облик. То-то удивятся отец с матерью, когда возвратятся из церкви! Да, все будут поражены.

Ах, как страшно было об этом думать! Уж лучше, чтоб его не видел ни один человек. Что за горе! Нет на всём свете более несчастного существа! Теперь он уж не человек, а заколдованный карлик.

Он стал понемногу понимать, что значит перестать быть человеком. Он лишился всего, он уж не может играть с другими мальчиками, не может унаследовать фермы своих родителей, и никогда ни одна девушка не согласится выйти за него замуж.

Мальчик взглянул на своё жилище. Это был маленький деревянный домик с выбеленными стенами и высокой, крутой соломенной крышей, которая как будто вдавливала его в землю. Но как всё ни было скудно и бедно, а в его глазах представлялось недостижимой роскошью. Теперь на лучшее жильё, чем ямка под полом, он не мог и рассчитывать.

Погода была великолепная. Кругом всё цвело, благоухало и пело. Он думал, что небо ещё никогда не было таким синим, как в тот день. Вот показались перелётные птицы. Они возвращались из чужих краёв, пролетели над Балтийским морем и направлялись дальше, к северу. Тут были птицы разнообразных пород, но мальчик знал лишь диких гусей, которые летели двумя длинными вереницами, сходящимися клином.

Уже многие стаи гусей пронесли мимо. Они летели высоко, но мальчик слышал, как они восклицали:

— Мы держим путь к высоким горам! Мы держим путь к высоким горам!

Увидев домашних гусей, бегавших по двору, дикие гуси спустились ниже и стали звать:

— Полетим с нами! Полетим с нами! Мы держим путь к высоким горам!

Домашние гуси невольно подняли головы и стали прислушиваться. Некоторые из них ответили:

— Нам и здесь хорошо! Нам и здесь хорошо!

Как уже говорилось раньше, день был чудный, воздух был свежий и лёгкий, так что лететь было очень приятно, и, по мере того как пролетали новые стаи, домашние гуси приходили во все большее возбуждение. Иногда они принимались хлопать крыльями, как будто сами хотели взлететь, но каждый раз одна старая гусыня останавливала их словами:

— Не безумствуйте! Лететь с ними — значит, на голод и холод.

